

И П Р О З О Н А

B-B of 1925

1925

2

ПОРРЪЗРШЫ

ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2 1925 2

М. И. МИШЕЕВЪ.

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

I.

Николай Петровичъ Богдановъ-Бѣльскій родился въ 1868 г.

Интересно послушать самого художника, что рассказываетъ онъ о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ.

— „Мои родители были безземельные крестьяне Смоленской губернии. Вокругъ нашей деревни шла многочисленными усадьбы мелкихъ помѣщиковъ. Отношенія между ними и крестьянами были наилучшія. Помѣщики давали работу, добросовѣстно оплачивали ее. Какъ сейчасъ помню, что тяжелый полевой трудъ начинался и кончался праздниками, пѣснями, угощеніемъ. Легко и привольно жилось... Съ малыхъ уже лѣтъ у меня проявилась страсть къ „художеству“, — вырѣзывалъ разные предметы, фигурки изъ дерева. Вырѣзалъ однажды дѣлую скрипку, которую сосѣдній помѣщикъ и купилъ за 20 коп. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ.

Съ грамотой дѣло обстоило неважно. Школамъ отсутствовали. Къ счастью въ это время перѣхалъ по сосѣдству съ нами на постоянное жительство въ свое имѣніе „Татевъ“ извѣстный

московскій профессоръ С. А. Рачинскій, промѣнявшій университетскую кафедру на сельскую школу.

Очень скоро онъ создалъ на собственной средства образцовую школу для крестьянскихъ дѣтей, гдѣ онъ самъ, учителя и ученики составили нѣчто на подобіе братства. Чистая и радостная атмосфера несокаго труда царила здѣсь.

9 лѣтъ я попалъ въ эту школу. С. А. Рачинскій однажды заинтересовался, есть-ли среди дѣтей, способные къ живописи. Указали на меня, какъ на любителя исписывать все своими рисунками. С. А. далъ задание срисовать съ натуры одного учителя. Экзаменъ происходилъ на виду всей школы, въ „Татевѣ“. Впервые мнѣ съ натуры пришлось рисовать человека. Написалъ, однако. Наши сходство. С. А. взялъ рисунокъ и отнесъ къ своей матери. Она захотѣла меня видѣть, и вотъ крестьянскій мальчикъ попалъ въ роскошные хоромы богатого дома.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

Привѣтливо встрѣтила меня В. А. Рачинская, уже глубокая старуха, сестра извѣстнаго поэта Е. А. Баратынскаго, современница Пушкина,

Н. П. Богданов-Вельскій.

„Будущій инокъ“.

съ которыми она танцевала на балахъ. Очень часто гостила у Рачинскихъ ихъ родственница, баронесса Дельвингъ, сестра друга Пушкина. Много интереснаго рассказывали женщины о великомъ поэтѣ.

Счастливые часы проводилъ я въ обществѣ ихъ и С. А. Рачинскаго, младаго и культурнаго человека, безгранично любящаго русскій народъ. Многимъ, если не всѣмъ, я обязанъ этой семьѣ. Подъ покровомъ ея прошло все мое дальнѣйшее воспитаніе.

Первоначальное художественное образованіе я получалъ въ Рисовальной школѣ при Сергѣевской Лаврѣ, гдѣ, между прочимъ, хорошо была поставлена классъ рисунка. Затѣмъ поступилъ въ Московское Училище Живописи, Ваянія и Зодчества.

Много тревогъ доставила мнѣ картина „Будущій инокъ“ для полученія званія класснаго художника. Дѣло въ томъ, что я только за два мѣсяца до срока подачи началъ ее писать, — пропустилъ время. Писалъ ее въ „Татево“ у Рачинскихъ. Былъ Великій Постъ. Всѣ говѣли. Религіозная семья, частая службы въ старень-

комъ храмѣ, пѣніе и чтеніе на клиросѣ, общеніе съ народомъ, религіозно настроеннымъ, вызывало въ душѣ состояніе тишины, покоя и вѣры. Всѣ и все кругомъ было проникнуто этимъ. А здѣсь еще исторія произошла: одинъ крестьянскій юноша пропалъ вдругъ послѣ причастія. Стояла суровая зима. Нашли мальчика только спустя двѣ недѣли въ глубинѣ лѣса, въ шалаши съ краюхой хлѣба. Онъ заявлялъ, что хочетъ быть отшельникомъ.

Среди такой атмосферы писалъ я своего „инюка“. Кончилъ. Не понравился онъ мнѣ. Отвезъ въ Москву и... проснулся однажды „знаменитымъ“. Поздравляли товарищи, профессора, допытываясь, какими путями я достигъ такой экспрессіи въ лицѣ „будущаго инюка“. Я и самъ не зналъ. Объясню это моимъ тогдашнимъ религіознымъ настроеніемъ.

Картину купилъ за 300 р. Солдатенковъ, крутой старикъ-старообрядецъ. Въ 1890 г. съ его разрѣшенія я выставилъ „Будущаго инюка“ на „Выставкѣ Передвижниковъ“. Государыня Марія Феодоровна, не зная, что картина соб-

Н. П. Богданов-Бельский.

„Рыбаки“.

Н. П. Богданов-Бельский.

„Соплявагия“.

ственность Солдатенкова, оставила ее за собой. Комитет Выставки спохватился, но поздно. Через Рачинского я попросил Побѣдоносцева переговорить съ государственной. Она передала, что будетъ очень обявана Солдатенкову, если онъ переуступитъ ей картину. Побѣдоносцевъ телеграфировалъ старику и тотъ отвѣтилъ, что

„почтѣть за счастье, если государыня возьметъ у него картину“. Однако, когда я въ Москвѣ завѣдывалъ къ Солдатенкову, то онъ налетѣлъ на меня, какъ, — дескать, я смѣлъ продавать его картину, — и требовалъ немедленнаго возвращенія 300 руб. Денегъ у меня не было, а старику я напомнилъ объ его телеграммѣ. Въ концѣ концовъ мы помирились.

Изъ моихъ воспоминаній отмѣчу свое путешествіе на Афонъ въ 1889 г. по окончаніи Училища. Здѣсь я встрѣтился съ монахомъ, отцомъ Филиппомъ, на котораго мнѣ афонскіе отцы указывали, какъ на „богописца“. Этого „бсгописца“ оказался крестьяниномъ Рязанской губ., прѣхавшимъ на Афонъ „спасать душу“, какъ онъ мнѣ заявилъ, причемъ „спасеніе души“ соединилъ съ неутомимой жаждой къ живописи, которой нигдѣ не учился. Онъ все время сопровождалъ меня на работахъ и однажды поразилъ рисункомъ мѣшка съ натуры. Въ 1894—5г.г. я встрѣтился съ нимъ въ мастерской Рѣпина. О немъ говорили, какъ о большомъ талантѣ. Это былъ... Малязинъ.

У Рѣпина вмѣстѣ со мной работали также Бразъ, Кордовскій, Сомовъ. Затѣмъ я поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ занимался въ студіи Кормона и Каляросси. Здѣсь также работалъ, одновременно со мной, Лансере, А. Н. Бенуа.

Съ удовольствіемъ вспоминаю свое участіе на „Выставкахъ Передвижниковъ“. Выставки эти имѣли громадный успѣхъ. Между обществомъ и художниками была полная гармонія. Одни и тѣ же интересы, одна идеология объединяла насъ съ окружающей обстановкой. Подъ эгидой передвижническихъ выставокъ

разцвѣлъ цѣлый рядъ такихъ видныхъ представителей искусства, какъ Перовъ, Вл. Маковский, Шинкинъ, Пойльновъ, Сахаровъ, Ге, Рѣпинъ, Суриковъ, Васнецовъ, Левитанъ, Серовъ, Нестеровъ и мн. др. Затѣмъ, какъ вы знаете, родились новые вкусы, появились и „новые тѣсни“. Объявился „походъ“ противъ „передвижниковъ“. Ихъ огуломъ обвинили, чуть-ли не вычеркнувъ совершенно изъ списка подлинныхъ служителей искусства. Напрасно. Русское искусство многимъ обязано имъ. У нихъ была не только тенденція, но и большая живопись. Впрочемъ, не мнѣ ихъ защищать, — исторія сдѣлаетъ это.

Послѣ Парижа я улекся „плагиризмомъ“. Воздухъ, фигуры среди пейзажа, связь — вотъ чему съ 1905 г. я сталъ отдавать свое вниманіе. Въ Тверск. губ., Вышневолоцк. у. цѣлая колонія художниковъ, какъ Жуковскій, Степановъ, Емляничкинъ-Бирюалъ, еще раньше ихъ — Левитанъ, а подлѣ конца, уже въ октябрьскую революцію, К. Корвинъ, я — съ 1907 по 1920 г. — жили и работали вмѣстѣ среди природы, оставивъ мастерскія. Въ 1910 г. я написалъ картину „Именины учительницы“, отмѣченную и печатно, и еще больше художниками-импрессионистами за тѣ импрессионистскія достиженія, которыхъ я добился въ ней. Картина была на всемірной выставкѣ въ Римѣ (1911 г.) и Мюнхенѣ. (Прод. въ Лондсѣ).

Н. П. Богдановъ-Вильскій.

„Трудная задача“.

Н. П. Богданов-Бельский.

„Вь лодкѣ“.

Но сильным воспоминания детства и переживания юношеских годов. Я так много летъ провелъ въ деревнѣ, такъ былъ близокъ къ сельской школѣ, такъ часто наблюдалъ крестьянскихъ дѣтей, такъ полюбилъ ихъ за непосредственность, даровитость, что они, какъ то сами собой, сдѣлались героями моихъ картинъ. Что дѣлать! Каждому свое“...

III.

„Материаломъ поэзии является не образы, не эмоции, а слово. Поэзия есть искусство слова и больше ничего“. (Проф. Жирмундский. „Начала“. 1921 г. № 1).

„Бросьте, забудьте, помоните на розовый кустъ, и на прочія мерлехюндия“

Н. П. Богданов-Бельский.
За маллбертомъ худ. С. А. Виноградовъ.

„Старая Рига“.

изъ арсеналовъ искусства!

Кому это интересно,

но,

что „ахъ, вѣтъ бѣдненькій,

какъ онъ любилъ

и потому былъ несчастнымъ!“

(Маяковский. „Приказъ № 2 по арміи искусства“).

Итакъ, содержаніе, сюжетъ не входятъ въ область поэзии. Главное — форма.

Одинъ изъ печальныхъ примѣровъ „спеціализаціи“ въ искусствѣ.

Другой примѣръ мы видимъ въ театрѣ,

гдѣ эта „спеціализація“

потребовала отъ актера

только игры, безъ связанныхъ съ ней переживаній, иначе, исключительнаго знанія и

умѣнья владѣть техникой, т. е. формой

своего мастерства. Отсюда культъ театральности, этой „истинной

доминанты новой теа-